

РЕЦЕНЗИИ

*Анна Борисенкова**

**Теория повествования Поля Рикера:
от нарративной организации опыта к
нарративным основаниям научного знания**

Рикер П. Время и рассказ. Т. 1-2 / Пер. с франц. Т.В. Славко / Под ред. С.Я. Левит. М.; СПб.: Университетская книга, 1998.

*В реальной жизни никогда ничего не случается
в нужном месте и в нужное время.
Это дело историков – добиться нужного эффекта.*

Марк Твен. «Афоризмы».

Поль Рикер – классик гуманитарной мысли XX века. Его ставят в один ряд с такими выдающимися философами, как М. Хайдеггер, Э. Гуссерль, Г.-Г. Гадамер, Л. Витгенштейн. Несмотря на то, что в истории философии имя Рикера тесно связано с идеями феноменологической герменевтики (благодаря работам «Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике» [7], «Об интерпретации. Очерки о Фрейте» [16]), его труды представляют интерес для специалистов в самых разных областях знания. Значительная часть текстов затрагивает проблемы эпистемологии исторической науки (наиболее известные – «История и истина» [6], «Память, история, забвение» [8]). В работах «Живая метафора» [17] и «Семантика действия» [20], написанных под влиянием аналитической философии языка, поднимаются вопросы о природе дискурса и лингвистических характеристиках действия. Одна из наиболее поздних книг Рикера – «Справедливое» [9] – посвящена философии права. Труды же по нарратологии и теории повествования знакомы разнообразной аудитории – от историков до культурологов и литературоведов [19; 21].

Любопытно, что тексты П. Рикера до сих пор остаются малоизвестными в широких кругах социологов. Причина, на наш взгляд, заключается не в том, что в работах отсутствуют социологически значимые сюжеты, а скорее, в исследовательской позиции философа. Он вступает в методологические дискуссии социальных ученых как представитель герменевтики, что вызывает традиционную критику со стороны социологов-позитивистов. Обращаясь к основополагающей проблеме эпистемологии социальных наук – соотношению метода научного объяснения и процедуры понимания – Рикер предлагает использовать для ее решения непривычную для социологии семиотическую логику (рассмотрение действия в качестве текста) и вызывающие сомнение с точки зрения позитивистской методологии интерпретативные приемы [5; 18]. В связи с этим его теория текста в работах отечественных социологов фигурирует как «"радикальная теория интерпретации", сводящая научное объяснение к семантическому и отвергающая нормативные критерии сравнения и оценки различных объяснений» [3, с. 53].

В то же время не стоит утверждать, что герменевтика Рикера принята социологами, ищущими отличные от позитивистских методы исследования социальной реальности. В

* Борисенкова Анна Валентиновна – младший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ИГИТИ ГУ-ВШЭ.

© Центр фундаментальной социологии, 2007.

© Борисенкова Анна, 2007.

частности, Э. Гидденс указывает на возможную продуктивность теории текста Рикера для социологии [13, с. 772]. Но этим выводом рассуждения Гидденса ограничиваются: разработанная им модель «двойной герменевтики» имеет мало общего с герменевтикой Рикера. Труды Рикера упоминаются в публикациях и библиографиях к учебным курсам по «качественной социологии»¹. [4; 11; 12; 15]. Однако в данных работах сложно обнаружить последовательное обоснование его философии как теоретической базы качественных исследований. Причины слабой связи рикеровской герменевтики с непозитивистской социологией менее ясны, чем причины ее неприятия позитивистами. Возможно, это объясняется трудностью перевода философских понятий Рикера на язык социологии (хотя данный вопрос требует более тщательного изучения теоретических источников).

Наша задача – не в том, чтобы доказать значимость теоретических построений Рикера для методологии социологии. Мы сфокусируем внимание на одном из его наиболее монументальных трудов – книге «Время и рассказ»² – и рассмотрим, каким образом разработанный Рикером концепт *нарратива* может быть использован в социологических исследованиях природы человеческого опыта и научного знания.

К проблеме нарративной организации человеческого опыта

Организация человеческого опыта является предметом рассмотрения многих социологических теорий – от построений Дж. Г. Мида до феноменологической социологии А. Шюца и теории фреймов И. Гофмана.

Работа П. Рикера «Время и рассказ» открывает новые перспективы исследования природы опыта и его связи с научной теорией. Вероятно, Рикер согласился бы с А. Шюцем (который, в свою очередь, опирается на рассуждения А.Н. Уайтхеда) в том, что «ни обыденное мышление, ни наука не могут существовать, не отходя от жесткой привязанности к актуальному содержанию опыта... Все наше знание о мире, как обыденное, так и научное, содержит конструкторы, т.е. набор абстракций, обобщений, формализаций и идеализаций, соответствующих определенному уровню организации мышления» [10, с. 8-9]. Согласно Рикеру, наши переживания окружающей действительности артикулированы языком и встроены в нарратив. Иными словами, опыт не дан нам непосредственно, он нарративно организован, и наше знание о нем – это знание повествований.

Обратимся к определению понятия «нарратив». Необходимо отметить, что в рецензируемом русскоязычном издании само понятие «нарратив» практически не употребляется. Т.В. Славко переводит исходное рикеровское понятие «*récit*» как «рассказ», обосновывая это тем, что «*récit*» – специфически французский термин, означающий текст-рассказ или текст-описание (в отличие от текста-диалога или научного текста)» (с. 264). Мы не ставим под сомнение данный аргумент, однако предлагаем переводить это понятие как «нарратив», по аналогии с известным авторизованным англоязычным переводом книги [21]. Термин «нарратив» (повествование) конвенционален в англоязычной традиции: он закрепился в языке истории, лингвистики, литературоведения, психологии; сформировалась

¹ В работах Рикера вопросы «качественной социологии» не затрагиваются. Возможно, причиной популярности его исследований среди сторонников качественных методов стало частое обращение Рикера к проблеме понимания. Рассматривая проблему соотношения метода научного объяснения и понимания (проникновения одного сознания в другое через внешнее выражение – знаки) при исследовании действий, Рикер утверждает, что процедура понимания является обязательной: «оно предваряет объяснение и сопутствует ему путем сближения с субъективным смыслом другого человека» [5, с. 3].

² Книга «Время и рассказ» переведена не полностью. В оригинале она представляет собой трехтомник. На русский язык переведены первые два тома – «Интрига и исторический рассказ» и «Конфигурация времени в вымышленном рассказе». В первом томе Рикер рассматривает нарратив как фундаментальную характеристику человеческого опыта, а также влияние нарративного дискурса на формирование научного знания. Второй том посвящен особому жанру повествования – вымышленному рассказу, специфике его конфигурации и подходам к его исследованию. В третьем томе, на данный момент не переведенном, Рикер поднимает общие философские проблемы времени: соотношения космологического и человеческого временных измерений, линейного времени свершившихся событий и событий, описанных в повествовании. Мы обратимся только к первым двум томам работы.

устойчивая междисциплинарная область знания, посвященная повествованию – нарратология. На наш взгляд, понятие «нарратив» обладает большим семантическим потенциалом, чем «рассказ». «Нарративом» можно обозначить как текст-описание, жанры исторического повествования и вымышленного рассказа, так и «сюжетообразный» текст в самом общем значении. В каждом случае употребления Рикером понятия «*técit*» мы будем использовать понятие «нарратив».

Нарратив, согласно Рикеру, представляет собой свойство языка или, точнее, дискурса. Под «дискурсом» подразумевается «язык в действии» или «язык в употреблении» [18, с. 92]. Рикер выделяет данную характеристику нарратива, критикуя при этом структуралистские теории повествовательности. Дискурс является частью «структуралистской дихотомии»: «дискурс и лингвистическая структура» или «язык в употреблении и язык как статичная семиотическая система». Рикер неоднократно вступает в дискуссии с семиотиками и структуралистами (А.Ж. Греймасом, У. Эко), рассматривающими нарратив в качестве неподвижной и неживой системы знаков. По его мнению, подобные представления лишают нарратив присущей ему черты временности и связи с человеческим опытом [14].

Рикер определяет нарратив, используя ключевые понятия «Поэтики» Аристотеля – «*mythos*» и «*mimesis*». С одной стороны, нарратив представляет собой «упорядочивание неких фактов или событий в систему, соединение их в единую смысловую конфигурацию, сюжет». С другой стороны, нарратив является «репрезентацией или подражанием реальным событиям»³ (с. 45). И подражание событиям, и соединение их в единую конфигурацию происходит на уровне дискурса.

Итак, опыт имеет нарративную организацию. Нарратив конституирует фундаментальную характеристику опыта – его временность; живой опыт, в свою очередь, становится условием временности повествования. Рикер формулирует «круговое» суждение: «Время становится человеческим временем в той мере, в какой оно нарративно артикулировано, а нарратив обретает свое полное значение, когда он очерчивает особенности временного опыта» (с. 65). В первой части книги под названием «Круг между рассказом и временностью» Рикер исследует отношение между нарративом и временным характером опыта, обращаясь к двум классическим, на первый взгляд, не связанным друг с другом источникам: «Поэтике» Аристотеля и «Исповеди» Августина Блаженного.

Рикер рассматривает проблему времени, поставленную Августином. Вопросы, которыми он задается вслед за Августином: «Что есть время? Как его можно измерить?». Августин не признает существование «космологического» времени и ищет основания временной протяженности и меры непосредственно в самом человеке, в его душе: «В тебе, душа моя, измеряю я времена» (с. 24), [1]. Он выделяет временные измерения человеческой души: «Есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего – это память; настоящее настоящего – его непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание» (с. 25), [1]. Тем не менее вопросы бытия и измерения времени по-прежнему остаются: «Как возможно рассуждать о существовании человеческого времени, если прошлого уже нет, будущее еще не наступило, а настоящее не уловимо? И как, в таком случае, возможно его измерение?» (с. 26), [1].

П. Рикер, интерпретируя рассуждения Августина, полагает, что именно язык и нарративная деятельность подтверждают существование времени опыта и, соответственно, возможность его измерения: «Мы *рассказываем* о вещах, которые считаем истинными, и предсказываем события, которые происходят так, как мы их предвосхитили... Мы готовы

³ Существенная проблема, возникающая при прочтении книги – отсутствие четких определений понятий, в частности, понятия «события». В первой части, в которой речь идет о нарративной организации опыта, событие выступает как нечто, произошедшее в нашем опыте. Во второй части, посвященной влиянию нарративного дискурса на формирование научного знания, Рикер рассуждает о статусе исторического события, при этом, к сожалению, не проводя четких различий между событиями первого и второго типа и, соответственно, не указывая на их сходство.

считать их существующими, когда мы о них повествуем...» (с. 20), [1]. Повествуя о фактах или событиях, мы помещаем их в некую последовательность так, что одно следует за другим, предшествует третьему и т.д. Согласно Рикеру, невозможно рассматривать элементы опыта как прошлые, настоящие или будущие, не называя их таковыми, мысленно или вербально не проговаривая их последовательность, не создавая о них нарратив. Само представление о прошлом, настоящем и будущем опыте формируется в процессе повествования. Именно повествование делает возможным существование прошлых или будущих переживаний и, соответственно, возможность измерения их продолжительности. Так, следуя логике Рикера (хотя объем данной работы не позволяет нам проследить ее полностью), можно предположить, что в особенностях нарративной деятельности содержится секрет временности человеческого опыта.

С другой стороны, нарратив, находясь в неразрывной связи с живым опытом, становится не застывшим (каким его представляют структуралисты), а подвижным, временным образованием. Рикер, вслед за Аристотелем, рассуждающим об особенностях литературного произведения, полагает, что нарратив – это не конечный результат создания некоего сюжета. Человеческий опыт, трансформируясь в повествование, в обязательном порядке проходит три стадии: префигуративную (мимесис-I), конфигуративную (мимесис-II) и рефигуративную (мимесис-III). На префигуративной стадии факты, события, действия разрозненны, логически не связаны друг с другом, но уже маркированы повествованием. Некий автор (которому Рикер в данной книге не уделяет особого внимания) заранее предполагает, каким образом они будут связаны в нарративе. Затем элементы опыта проходят стадию конфигурации, «осюжечивания». И, наконец, наступает последняя стадия – стадия рефигурации при воспроизведении нарратива слушателем или читателем. Для прояснения специфики нарративной организации опыта рассмотрим подробнее, что подразумевается под стадией конфигурации.

Конфигурация – основное понятие, используемое Рикером при описании устройства нарратива. «Конфигурация, – пишет Рикер, – представляет собой логическое единство... Она может быть представлена как одна "мысль"» (с. 50). Конфигурация – это сюжет, собирающий факты или события вместе и подчиняющий их замыслу повествования. Понятие «конфигурация», используемое Рикером, соответствует аристотелевскому понятию «mythos», обозначающему «упорядочивание фактов в систему». Каково же отношение между конфигурацией и живым опытом?

Факты и события опыта сами по себе не имеют никакой логики. Логику им придает нарратив. Нарративная конфигурация «собирает» отдельные элементы опыта и придает им осмысленность. Теперь факты и события связаны логически и следуют друг за другом, согласно замыслу нарратива. Как полагает Рикер, «идеи начала, середины и конца берутся не из опыта: это не черты реального действия, но следствия самого построения поэмы...» (с.51). Мы не можем быть уверены, что события «на самом деле» были именно такими и в такой последовательности. Становясь элементами нарративной конфигурации, они приобретают совсем иной статус в соответствии с правилами и логикой сюжета. В частности, при чтении литературного нарратива «никого не интересует, что делал герой между двумя событиями, которые в жизни были разделены: в "Царе Эдипе" вестник возвращается именно в тот момент, когда интрига требует его присутствия: ни раньше, ни позже...» (с. 51). Поэтому нарратив представляет собой, скорее, «подражание» опыту, а не его описание. Он репрезентирует живой опыт, отсылает к нему, но привносит в него столь существенные изменения, что мы можем рассуждать о нарративном «сочинении», а не о «реальном» изображении опыта.

Характерной особенностью конфигурации является «ощущение конца». Имеется в виду, что в нарративе, в отличие от следования событий в «реальной» жизни, некое событие в любом случае представляется последним (с. 53). Именно наличие последнего события способствует восприятию всех событий в конфигурации как единого целого, поскольку оно является логическим завершением всей последовательности. Когда читатель или слушатель

повествования доходит до последнего описываемого события, становится возможным «охватить одним взглядом» замысел повествования. Констатация же конечного события при рассмотрении событий в «реальной» жизни представляется весьма затруднительной.

События, оказавшись предметом повествования, приобретают определенную связь. Рикер различает два типа связи: *эпизодическую и универсальную*. Эпизодическая связь – это «линейная» последовательность свершающихся *друг за другом* событий. Она является случайной, нелогичной. Универсальная связь событий, напротив, имеет логический характер. Рикер называет ее связью «одно вследствие другого». В нарративной конфигурации между событиями существует именно универсальная связь. Здесь он делает важное заявление: «Одно вследствие другого – это связь каузальная... Теперь несомненно, что своего рода универсальность, присущая конфигурации, обусловлена ее внутренним построением, определяющим ее завершенность и целостность. Внутренняя связь сама по себе – это начало универсализации. Сочинять сюжет – значит уже выводить универсальное из единичного, необходимое или вероятное из эпизодического...» (с. 53).

Конфигурация типична (нарративы можно классифицировать по типу композиции – жанру) и в определенной степени поступает с фактами и событиями аналогично научным законам. Но Рикер не сводит нарративную связь к научной генерализации или единичному каузальному объяснению в истории. Нарративная связь, в отличие от научного объяснения, не подвергается эмпирической проверке. Для него важно подчеркнуть сходство основного принципа формирования связи в нарративе и научном объяснении – «выхватывание» элементов опыта и подведение их под определенную логику.

Рассмотренные черты конфигурации присущи всем видам повествования – нарративу, используемому историком в качестве иллюстрации, вымышленному литературному произведению, нарративу, используемому в повседневной коммуникации. Существенное различие между историческим нарративом и вымышленным повествованием заключается в том, что исторический нарратив может претендовать на наличие эмпирического референта своих построений (факты, описанные в повествовании, могли иметь место в действительности), а вымышленное повествование на это претендовать не может. Тем не менее, правила построения логического сюжета схожи во всех случаях. Рикер целиком посвящает специфике нарративной конфигурации третью часть книги под названием «Конфигурация времени в вымышленном рассказе».

Так, П. Рикер предлагает принципиально новый подход к изучению природы опыта и его организации – анализ его нарративной структуры. Несмотря на то, что он, увлекаясь собственной интерпретацией классических философских источников, не предоставляет читателю строгого концептуального аппарата, все же просматривается круг ключевых понятий, которые можно операционализировать и использовать в социологических исследованиях специфики нарративного представления опыта. Это понятия «смысловая конфигурация» и «стадии формирования повествования» («префигуративная, конфигуративная, рефигуративная»), понятия «эпизодическая» и «универсальная связь». На наш взгляд, в применении «повествовательной» логики к изучению организации опыта заключены многообещающие перспективы.

Нарративные основания научного знания

Сходство позиций П. Рикера и А. Шюца относительно организации жизненного опыта заключается в утверждении того, что реальность изначально не представлена познающему субъекту в виде непрерывного потока. Он имеет дело лишь с определенными аспектами действительности. Но если, согласно Шюцу, опыт дан субъекту как типизированный, интерпретированный с помощью конструкторов обыденного мышления, то Рикер указывает на иную форму представления опыта – его нарративную организацию. Допустим, что перед нами не простой познающий субъект, а ученый. Каким образом формируется его знание о мире? По мнению Шюца, научное знание также является типизацией и мыслительными конструкторами. Представители естественных наук «сами определяют, какой сектор универсума природы, факты и события тематически и интерпретативно релевантны поставленной цели»

[10, с. 9]. Перед социальными учеными поставлена иная проблема: они вынуждены соотносить собственные конструкты с живым индивидуальным и социальным опытом, иначе есть опасность абстрагирования науки от изучаемой ею реальности и потери адекватности ее объяснений. С точки зрения Шюца, создание теории, согласующейся с опытом – одна из основных задач социальной науки. В поисках возможного решения он вводит различие обыденных и совместимых с ними научных конструктов – «конструктов первого и второго порядка». Рикер, в свою очередь, указывает на иной тип связи научной теории с опытом.

Согласно Рикеру, *научное знание согласуется с опытом посредством нарратива*. Данное отношение можно представить следующим образом: наш опыт нарративно организован, а научное теоретизирование содержит в себе элементы повествования. Соответственно, научное знание, сохраняя нарративные черты, не утрачивает связь с опытом. Это утверждение относится прежде всего к исторической науке, специфике которой Рикер исследует. В то же время он проводит параллель между историческим и социологическим знанием и указывает на случаи, в которых данное утверждение действительно и для социологии. Проследим ход его рассуждений.

Вторую часть книги под названием «История и рассказ» Рикер начинает с рассмотрения ограничений собственного тезиса о повествовательном характере истории. Во-первых, подход к исследованию исторической реальности должен быть «номиналистским». Нарратив встроен в теоретизирование в том случае, если исследуются индивидуальные события или действия (поскольку он представляет собой упорядочивание отдельных событий), а не социальные структуры или «социальные факты». В связи с этим Рикер подвергает серьезной критике французскую историографию во главе со школой Анналов за недооценку роли события в историческом познании⁴. Как отмечает Рикер, представители школы Анналов (в частности, Ф. Бродель), делая выбор в пользу изучения «большой длительности» истории, «ведут борьбу против событийной истории, и, следовательно, против нарративного способа написания истории» (с. 128). Утрачивая же связь с нарративом, по убеждению Рикера, история перестает быть «исторической» и теряет связь с прошлым человеческим опытом, который она исследует. В определенной степени данная критика применима и по отношению к дюркгеймианской социологии (Рикер не забывает упомянуть М. Мосса), однако на данном этапе Рикер не фокусирует внимания на сходстве и различиях социологического и исторического знания, а возвращается к этой проблеме позже.

Во-вторых, нарративность может сохраниться в истории в том случае, если в ней не используется номологическая модель научного объяснения. В качестве «противников нарратива в истории», наряду с французскими историографами, Рикер называет представителей логического позитивизма во главе с К. Гемпелем, утверждающих, что объяснение в исторических и социальных науках должно быть аналогичным объяснению в естественных науках, то есть должно использовать «охватывающие законы». Объяснение посредством «охватывающих законов» отличается от создания нарратива. В нарративе исторические события, соединенные универсальной связью («одно вследствие другого»), сохраняют свою уникальность. В генерализациях исторические события рассматриваются, по аналогии с физическими событиями неживой природы, как регулярно повторяющиеся и не имеющие шанса «свершиться иначе». Кроме того, нарративная конфигурация, хотя и является в определенном смысле типичной, построенной в соответствии с определенными правилами, может «рефигурироваться», получать новые интерпретации во время прочтения или слушания; в генерализирующих объяснениях нет места «исторической возможности», свершающиеся события заранее предсказаны.

⁴ Если в первой части книги Рикер не дает четкого определения «событию», подразумевая под этим нечто, произошедшее в опыте, то во второй части, посвященной специфике исторического знания, Рикер определяет историческое событие как «то, что совершают или претерпевают действующие существа» (с. 115). Историческое событие свершилось в прошлом, оно единично. В отличие от событий природы, историческое событие (поскольку оно является результатом индивидуальной воли), всегда могло бы произойти «по-другому» (с. 114-115).

Данные рассуждения требуют пояснения. Прежде всего остается открытым вопрос об уникальности события в нарративе. Ранее Рикер отмечал, что конфигурация организует события исходя из некоего замысла. Как при этом события могут сохранять свою уникальность? Нарративная конфигурация, на первый взгляд, делает с событием то же самое, что делают «охватывающие» законы – «выхватывает» его из сферы опыта и подчиняет собственной логике. Мы не обнаруживаем прояснения этого момента у Рикера. Можно только предположить, что под уникальностью исторического события в нарративе он подразумевает, во-первых, одно единственное место, которое оно занимает в нарративной цепочке «одно вследствие другого»: «вестник в "Царе Эдипе" возвращается только однажды». В историческом нарративе событие также описывается один раз: «Бисмарк развязывает войну в 1866 году...». Во-вторых, уникальным событие делает тот факт, что в повествовании оно остается проявлением индивидуальной воли действующего существа. Тем не менее этот момент нуждается в дополнительном осмыслении.

За поддержкой нарративистского тезиса в исторической науке Рикер обращается к широкому кругу источников: работам А. Данто, Л.О. Минка, Х. Уайта и П. Вейна. Общая позиция этих авторов – признание повествовательного характера истории. Наличие нарративной композиции – то, что делает историю наукой о прошлом индивидуальном и социальном опыте.

По мнению П. Рикера, можно рассуждать о повествовательном характере истории, если в ней используется каузальный анализ. Рикер рассматривает каузальный анализ как альтернативную генерализацию модель объяснения в истории. Мы применяем его, когда анализируем единичные причинно-следственные связи, объяснительная сила которых не зависит от закона. «Каузальный анализ, – пишет Рикер, – это, по сути дела, отборочный анализ, нацеленный на проверку права того или иного кандидата на роль причины, то есть права занимать место "потому что..." в ответ на вопрос "почему"..."» (с. 212). Для усиления аргумента в пользу нарративной природы исторического знания Рикер обращается к работе М. Вебера «Критические исследования в области логики наук о культуре» [2]. На наш взгляд, интерпретация Рикером веберовской методологической программы – интересный сюжет с точки зрения исследования нарративной природы социологического знания.

Построение нарративной конфигурации происходит тогда, когда ученый ставит перед собой цель выявить причину произошедшего события или действия из всего спектра возможных причин и применяет процедуры каузального вменения. Рикер (опираясь на рассуждения Вебера) описывает логику каузального вменения следующим образом: «При помощи воображения конструируется иной ход событий, затем взвешиваются вероятные последствия реального события, наконец, эти последствия сравниваются с реальным ходом событий. Для того чтобы понять природу реальных причинных связей, мы *конструируем* связи *нереальные*. Всякий историк, чтобы объяснить то, что было, задается вопросом о том, что могло бы быть» (с. 213).

Рикер приводит цитату из работы М. Вебера: «Какое каузальное значение следует придавать индивидуальному решению во всей совокупности бесконечного множества моментов, которые должны быть именно в таком, а не ином соотношении для того, чтобы получился именно этот результат...» (с. 213), [2, с. 465]. «Вот эта оговорка, – пишет Рикер, – "в таком, а не ином" и свидетельствует о появлении на сцене воображения. Начиная с этого момента рассуждение движется среди нереальных прошедших условных наклонений...» (с.213). Как только исследователь применяет вероятностную логику рассуждения («что могло бы быть»), он начинает строить связи, подобные универсальной связи нарративной конфигурации. В воображаемой конструкции историка события логически «следуют одно за другим», встраиваются в сюжет: «Если бы Бисмарк не принял решения начать войну, исторические события развивались бы следующим образом...». Каждый раз, согласно Рикеру, когда ученый пытается логически простроить возможный ход действий исторического персонажа или иной ход событий, он оказывается в роли нарратора, сочиняющего повествование.

Такого рода вымышленные конструкции присутствуют и в социологическом исследовании. Социология (как определяет ее М. Вебер), «стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие», также создает нереальные связи – идеальные типы, являющиеся методологическим инструментом анализа причин или субъективного смыслополагания. Идеально-типическая конструкция представляет собой, как и нарратив, искусственно созданную связь событий или фактов. В данном случае она строится ученым-социологом в соответствии с принципом научной рациональности.

Как отмечает Рикер, несмотря на то, что историческое и социологическое каузальные исследования преследуют разные цели (историческое – поиск антецедента единичного факта, социологическое – поиск причин факта, способного появиться вновь), в обоих случаях теоретизирование приобретает характер «сюжетопостроения».

«Более того, – пишет он, – нереальные конструкции должны оставаться составной частью исторической и социальной наук, даже если они не выходят за рамки сомнительной правдоподобности, ибо они одни предоставляют единственный способ избежать ретроспективной иллюзии фатальности» (с. 218). Использование нереальных (нарративных) конструкций служит напоминанием о том, что исторические и социальные науки исследуют проявления воли живых людей, чьи действия и зависящие от них события всегда имеют альтернативный исход. В другом случае события и действия становятся подобными событиям неживой природы, подчиняющимся законам и лишены «возможности свершиться иначе». В качестве примера использования нарратива в социологии П. Рикер приводит работу Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». «Автор, – рассуждает Рикер, – воображает ход истории, где рассмотренный духовный фактор отсутствовал бы и где другие факторы играли бы роль, которую, как предполагается, выполняет протестантская трудовая этика...» (с. 222). Ход рассуждения Вебера в данном случае можно сравнить с построением сюжета. Не находя исчерпывающих ответов на свои вопросы в статистических данных, он строит вымышленные связи исторических фактов, пытается выяснить, имеют ли право такие факторы, как рационализация права, организация торговли, технические изобретения, развитие научного метода претендовать на роль основной причины развития капитализма. И хотя исследование Вебера не сводится к анализу действий отдельных индивидов, в его построениях можно уловить элементы нарративных конфигураций. Согласно Рикеру, именно использование приемов «сюжетопостроения» отличает настоящего теоретика от исследователя, занимающегося последовательным (не предполагающим теоретического напряжения) описанием эмпирических данных.

Так, П. Рикер, с одной стороны, указывает на сходство социологического и исторического знания, заключающееся в применении «нереальной» нарративной конструкции, а с другой – ставит проблему повествовательного характера научного теоретизирования. При этом следует отметить, что нарратив в его рассуждениях остается важным связующим звеном между социальной и исторической науками и живым человеческим опытом, встроенным в повествование.

Теорию повествования сложно отнести к социологическим ресурсам. За рамками рассуждений Рикера остаются вопросы об особенностях социального опыта, а также специфике социологического знания (его отличиях от исторического и естественнонаучного знания). Однако использование построений Рикера в социологии может оказаться продуктивным, поскольку в его подходе содержится принципиально новая оптика изучения природы человеческого опыта и его соотношения с научной теорией. Социологи приобретают аналитический инструмент исследования – нарратив.

Литература

1. *Августин Аврелий. Исповедь. Петр Абеляр. История моих бедствий.* М.: 1992.
2. *Вебер М. Критические исследования в области логики наук о культуре / Пер. с нем. Ю.Н. Давыдова // Вебер М. Избранные произведения.* М.: Прогресс, 1990.
3. *Девятко И.Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования.* М.: ИС РосАН-TEMPUS/TASIS, 1996.
4. *Мещеркина Е.Ю. Программа трехдневного курса «Методология биографического исследования» [учебная программа] <<http://ecsocman.edu.ru/db/msg/177968.html>>.*
5. *Рикер П. Герменевтика и метод социальных наук // П. Рикер. Герменевтика. Этика. Политика.* М.: АО «КАМИ» - Изд.центр Academia. 1995.
6. *Рикер П. История и истина / Пер. с фр. СПб: Алетейя, 2002.*
7. *Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. И.С.Вдовиной. М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002.*
8. *Рикер П. Память, история, забвение / Пер. с франц. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.*
9. *Рикер П. Справедливое / Пер. с фр. Б. Скуратова. М.: «Гнозис», «Логос», 2005.*
10. *Шюц А. Методология социальных наук // Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. М.: РОССПЭН, 2004.*
11. *Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3.*
12. *Franzosi R. Narrative analysis – or why (and how) sociologists should be interested in narrative // Annual review of sociology. 1998. № 24.*
13. *Giddens A. Hermeneutics and Social theory // Contemporary Sociology. 1981. Vol. 10. № 6.*
14. *Greimas A.J. Ricoeur P. On narrativity // New Literary History. 1989. Vol. 20. № 3.*
15. *Morgan G., Smircich L. The Case for Qualitative Research // The Academy of Management Review. 1980. Vol. 5, No. 4.*
16. *Ricoeur P. De l'interpretation: Essai sur Freud. Paris: Seuil, 1965.*
17. *Ricoeur P. La Metaphore vive. Paris: Seuil, 1975.*
18. *Ricoeur P. The Model of the Text: Meaningful Action Considered as a Text // New Literary History. 1973. Vol. 5. № 1.*
19. *Ricoeur P. A Ricoeur reader: Reflection and Imagination / Ed. by M.J. Valdes. NY: Harvester Wheatsheaf, 1991.*
20. *Ricoeur P. La sémantique de l'action. Paris: Centre de Phénoménologie, CNRS, 1977.*
21. *Ricoeur P. Time and narrative / Tr. by K. McLaughlin, D. Pellauer. V. 1– 3. Chicago: The University of Chicago Press, 1984.*